

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЯ-СКАЗОЧНИКА, ХУДОЖНИКА С. Г. ПИСАХОВА

Публикация и комментарии А. А. Горелова

Фигура Степана Григорьевича Писахова — одного из выдающихся писателей и живописцев Архангельщины синтезирует в себе русскую народную культуру Севера России и высокий европеизм литературных и живописных традиций, актуальных на переломе XIX и XX ст.

Будучи урожденным сыном поморской сельской и городской среды, Писахов явил себя в частности оригинальным мастером русского художественного слова, замешанного на устности. В произведениях прозы Писахова жила не имитационная фактура народной словесности, а самобытность и оригинальность сказочного творчества, где сложно воссоединились усвоенные с детства навыки народного разговорного общения и возникавшая в этой стихии яркая поэтическая смеховая игра, способность объединять разнородный устно-поэтический творческий фонд целостными сюжетными композициями, в центре которых — уникальный народный персонаж Сеня Малина. Этот герой — крестьянин, способный на фантастическую выдумку и волшебно-фантастические действия в родной ему местной среде. Житель архангелогородской деревни Уйма, Сеня Малина полноправно встал как персонаж в один ряд со сказочными героями мировой литературной смеховой традиции, обнаружив родство с бароном Мюнхаузеном и детищами раблезианского творчества, а одновременно остался глубоко национальным типом, укорененным в базовую русскую фольклорную традицию. Как никогда прежде в литературной русской сказке, Писахов сумел создать ткань повествований, где словесные образы зримо и то и дело овеществляются и становятся субъектами действия, а перетека-

ние метафор в житейскую стихию и обратное движение жизненных эпизодов в слово поражают естественностью и изысканностью мнимо-простодушной фантазии, творя непредсказуемую чарующую сферу народного миропонимания. Естественно, что люди, соприкоснувшиеся с творчеством Писахова, ощутившие огромность и специфичность дарования мастера, сравнительно поздно запечатлевшего свою устную сказочную серию (произведения о Сени Малине в виде публикаций), всегда интересовались личностью и биографией того, кто выпустил в Архангельске в 1939 г. скромную книжечку «Сказки Ст. Писахова». Она была «на ура» принята писательским сообществом, а ее автор стал членом Союза советских писателей по коллективной рекомендации президиума Приемной комиссии.

С 1930-х гг. к С. Г. Писахову жаловали визитеры, желавшие уяснить тайны биографии замечательного мастера слова, а вместе с тем сокровенного живописца Русского Севера, по мнению Юрия Казакова, достигавшего своей выразительностью, национальной органикой глубины истолкования русского пейзажа на уровне В. Д. Поленова, М. В. Нестерова, И. И. Левитана.

Наилучшими знатоками его натуры и судьбы становились ученики живописной студии, которую он вел в Архангельске с 1920-х гг., и деятели культуры, открывавшие при сближении с уникальным талантом его многогранность. В числе друзей Писахова видим мастеров слова — Леонида Леонова, Ивана Соколова-Микитова, собирателя книжных древностей Владимира Малышева и многих участников совместных с С. Г. Писаховым экспедиций по полярным островам Ледовитого океана.

В середине 1950-х гг. образ Степана Писахова стал привлекать молодых столичных писателей, впервые познакомившихся с искусством архангельского «метра», поражавшего незаурядностью своей литературной манеры и как бы предлагавшего осознавшим силу его дарования горожанам приобщиться к неистоцимости фольклорных источников. О Писахове в это время начинают упоминать разные современники, от Константина Паустовского до Федора Абрамова. Юрий Казаков, щедро награждая писателя высокими эпитетами, призывал молодых современников оценить значение «классов» Писахова.

Именно в этот период, после первых знакомств с книгами С. Г. Писахова, решил написать о многосложности его творчества и жизни автор нынешней публикации, а тогда — редактор отделов критики и искусства журнала «Нева». Первое письмо, пошедшее в Архангельск в августе 1959 г., содержало целый вопросник, касавшийся обстоятельств судьбы Писахова. Письмо встретило на редкость теплый отклик адресата, по причинам, о которых он обстоятельно рассказал уже в ответе 6 сентября 1959 г.

А дальше развернулась переписка, которая всколыхнула воспоминания Степана Григорьевича. Она была полна взаимного воодушевления корреспондентов. Под влиянием писем сразу начала формироваться статья о его судьбе и творчестве «Чередя чудес».

Между тем обстоятельства жизни А. А. Горелова менялись. Покинув редакцию журнала «Нева», он поступил научным сотрудником в Отдел народно-поэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Новая среда внесла столь же неожиданный, сколько несправедливый корректив в мажорную переписку. Один из вольноприходящих членов СП СССР, услышав о наших контактах с С. Г. Писаховым, огорошил А. А. Горелова третирующей писателя «подсказкой», что, де, Писахов не проявил сочувствия к деятелям архангельской интеллигенции, подвергавшимся в 1930-е гг. репрессиям. Возразить на это ошеломляющее обвинение молодой человек, который переписывался с С. Г. Писаховым, не сумел, хотя и не мог в него поверить. Переписка, однако, пошла на спад, что отражено в последних письмах.

Последующие годы открыли ряд эпизодов биографии писателя из времен гражданской войны и его поездок на «железнодорожный фронт», о которых он ничего не рассказывал (они отражены в местной архангельской печати), но наушническая версия о неблагодарстве Степана Григорьевича Писахова в трагические дни властного преследования мастеров культуры не могла подтвердиться. Выяснилось лишь, что весной 1938 г. Писахов, по его признанию, «хотел покончить с собой». Ей противоречила вся жизнь исполненного доброты и мужества человека, личность которого всегда была эталоном нравственного достоинства.

ПИСЬМА С. Г. ПИСАХОВА ЛИТЕРАТУРОВЕДУ А. А. ГОРЕЛОВУ

№ 1

Дорогой Александр Александрович!

Спасибо за хорошее, приветное письмо! Вы и не думаете о действии своего письма, а оно для меня целительно.

Что-то с глазами случилось. Едва добрался до поликлиники, думал: покажусь и вернусь, — иначе вышло. Доктора Архангельска всполошились. Опрокинули в кровать. Всех специальностей, с сердечниками вместе, отнесли сердчно. Угрожал паралич. Я думал — дошел до края. Забота докторов оттолкну-

ла меня от края — снова живу. Подходит мое совершеннолетие (80). Это время оглянуться, время итогов. Может быть, писать буду перебегая, себя перебивая. Таким теплом пахнуло Ваше письмо!

Жить начал 1879 года 25 октября н/с в городе Архангельске, Поморская 27, в комнате той самой, где жил до капитального ремонта. Дом старше меня на 10 лет. Дали комнату. Картины, книги, рукописи — в разных концах города.

Интервенты в Архангельске. В первые же дни явилось слово «инстервенты».¹

В 1924 [г.] написал «Морожены песни»,² раньше сказки сказывал, но не записывал. Проходило благополучно. Уроки рисования в средней школе обеспечивали.

Радуют письма учеников и встречи. Встречаю учеников со внуками. Многие стали художниками. Мне посчастливилось подтол[к]нуть на эту дорогу.

Позвольте, Александр Александрович, назвать двух-трех. Всех перечислять долго. В Ленинграде живут три.

Данилов Юрий³ после десятилетки явился в Акад<емию> художеств! Ему обстоятельно, терпеливо разъяснили: «Не было случая, чтобы после гимназии или десятилетки без пятилетней подготовки поступали в Академию». Юрку приняли! Сейчас он график.

Васильев Игорь⁴ очень хотел в Ак<адемию> художеств. Партия предложила военную академию. Игорь послал фотографию: жена, сын, сам в чине подполковника, со значком академии и значком воздушного флота. И работает в студии Грекова.

Один уверяет, что я сделал его художником. Я разъяснил: у певца можно сорвать голос или развить...

---

¹ «Инстервенты» — народный эпитет, вошедший в лексикон эпохи гражданской войны. Писахов боролся за употребление этого слова в текстах своих сказок, но ко вчерашним союзникам старой России относился достаточно терпимо.

² Первая редакция «Мороженных песен» публиковалась в трех частях как единое произведение (второй и третий тексты весьма кратки). См.: «На Северной Двине»: Сборник Архангельского Об-ва Краеведения. Архангельск, 1924. С. 74—80.

³ Данилов Юрий Михайлович — жил и работал как график в Ленинграде. См. первомайское письмо к нему С. Г. Писахова за 2 дня до смерти (1960 г.).

⁴ Васильев Игорь Сергеевич (1919—2000) — художник-баталист военной студии живописи им. М. Б. Грекова (создана в 1935 г.). См. его «Воспоминания» о С. Г. Писахове в богато документированной книге: Пономарева И. Б. Главы из жизни Степана Писахова. Архангельск, 2005. С. 201—202.

Есть ненец-художник Тыко Вылка.⁵ Был большой талант, пока не попал в Москву. В 1905 г. я встретил его на Новой Земле. Работы его контрастны: то лучше тончайших акварелистов, то дико набросаны. Вылка пояснял: «Это — горы. Страшно. Горы смотрят сердито». На другом листе — тихое море, островок и два розовых облачка. Впечатление музыки, тишины — на третьем листке: «Жонка ловит рыбу». В тихой воде залива поплавки сетей, лодка, nenka наклонилась из лодки. Вспомнился «Бедный рыбак» Пюви де Шаваня.⁶ У Вылки музыкальнее! Пробовал уговаривать не ехать в Москву: «В Москве не знают Новую Землю, поработай, покажи ее!». Не мог же сказать: «Окрепни, больше верь в себя!»

В Париже работы Вылки имели большой успех. Учителей Вылка звал: «хозява».

Дали Вылке допек, пенсию. Вылка делает полудетские картины, музей покупает по 40 р.! Приезжающие ученые хвалят, берут на память. (Дикарь, самоед. Взять — оказать честь!) Я уговорил жену Вылки, чтобы не позволяла дарить. Теперь учатся нацмены, сохраняя себя.

Бывшие ученики своим отношением уверяют, что этот итог в порядке.

После войны были такие сцены: полковник с густым рядом орденских ленточек вытянулся, рапортует:

— Такой-то, такой-то, ваш бывший ученик!

Не выдержал, бросился обнимать.

Хорошие ребята! В школе был свой кукольный театр. Сами составляли пьесы — лепили головы, шили костюмы, делали декорации. Свой оркестр. Как это сближало, развивало, оздоравливало!

Сказки. В 1935 [г.] попали в «30 дней».⁷ Лагин Лазарь Иосифович⁸ дал сказкам право жить и мне...

---

⁵ Тыко Вылко (Илья Константинович) (15(27).II.1886—28.VI.1960) — ненец, живописец и график, живший на Новой Земле, после 1956 г. — в Архангельске. Зимой 1909/10 г. провел в Москве, учился у художников А. С. Архипова и В. В. Переплетчикова. В 1911 и 1914 г. в Москве состоялись выставки его работ. Собирал фольклор ненцев. Был председателем Совета депутатов трудящихся поселка, а затем острова Новая Земля.

⁶ Пюви де Шаванн (1824—1898) — известный французский живописец, сочетавший в творчестве элементы символизма и романтики. Его композиции отличались уравновешенностью и статичностью, светотень полотен признавалась музыкальной.

⁷ «30 дней» — ежемесячный литературно-художественный, общественный и научно-популярный журнал. Выходил в Москве с 1925 по июнь 1941 г.

⁸ Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович (1903—1979) — автор повести «Старик Хоттабыч» (1938), сказок для детей, памфлетно-политической прозы.

В 1939 [г.] принят в С<оюз> П<исателей>, окончательно окреп. Лукин Ю. Б.⁹ редактировал книжку сказок в ГИХЛе (Государственное издательство художественной литературы. — А. Г.). Помешала война. Не знаю, что стало со сказками. Война помешала выходу книжки.

Редакторы так выравнивают, подстригают... более точно сказать — уродуют, что жуть берет! Покровская Ан<на> Конст<антиновна>¹⁰ говорила: «перевод с русского». Что же делать? Только бы печатали!

В книжке 1959 [г.] выкинута сказка «Как Уйма в город на свадьбу пошла».¹¹ Виновность сказки — громадна! В сказке колокола звонят: «К нам, к нам!» Это поповский зов!

Гранки мне не показали, — убрана сказка «Лётное пиво»:¹² девки в небе пляшут. Сказочник должен сказать, пояснить, что девок вызняло. Редактор борется с пьянством, и про пиво нельзя поминать.

Я сам не пью спиртного. Лет 50 назад пил крепкий кофе. Ныне пью крепкий чай. Герои моих сказок могут пить. Но — пусть уродуют, переделывают до перевода с русского — только бы печатали. В издании «Сов<етского> П<исателя>» *интервентов* назвали интервентами. У меня сказано было: «...сделал лицо мимоходом и...» Редактор «п о п р а в и л»: «...сделал мимоходом». Такого редактора только палкой... Нет, бить не надо. Просто — скипидаром... Пробегается, набегаются, убегается, авось будет всматриваться в рукопись. У редактора есть оправдание: он показывает с в о ю р а б о т у.

О Шергине.¹³ Знает Север, знает старину, знает старины, очень хорошо рассказывает. Сказок у Шергина не хватает.

---

⁹ Лукин Юрий Борисович (1907—1998) — известный редактор московских издательств, редактировавший сочинения крупных писателей-современников (М. А. Шолохов, М. М. Пришвин и др.).

¹⁰ Покровская Анна Константиновна (1878—1972) — видный педагог 1920-х гг., профессор, исследователь детской литературы, создательница детского отделения Московской библиотеки им. А. С. Грибоедова и Института внешкольных методов образования. См. ее фото 1956 г.: Пономарева И. Б. Главы из жизни... С. 176.

¹¹ «Как Уйма в город на свадьбу пошла» — сказка, изъятая из сборника: Писахов Ст. Сказки / Отв. ред. Г. И. Суфтин и Л. И. Одинцова. Архангельск: Архангельское книжное изд-во, 1959.

¹² «Лётно пиво» — сказка, изъятая в 1959 г. С нею соседствовала сказка «Девки в небе пляшут», где было употреблено то же «криминальное» название «лётно пиво» для объяснения бытовой ситуации (Там же. С. 49).

¹³ Шергин Борис Викторович (1893—1973) — писатель, начинавший свой путь с постижения народной сказительской манеры исполнения былин и сказок. Владение ею стало основой его литературного мастерства.

Шергин очень талантлив.

В 1940 г. Караваева А. А.¹⁴ принародно и строго спросила:

— Кто автор сказки «*Морожены песни*», вы или Шергин?

Борис оправдался словами:

— Что слышу, то мое!

Много авторов «пытались присоседиться». Артистка Фунтикова,¹⁵ разговаривая по телефону, гневно фыркнула:

— Вы-то тут при чем?

Забыл фамилию ловкача,¹⁶ сделавшего сценарий сказки «*Попинкубатор*».

Довольно о них. Приятно про учеников, а про...

Школу Штиглица¹⁷ не пришлось окончить в 1905 г. «Без права продолжать художественное образование в России».¹⁸ Уехал

---

¹⁴ Караваева Анна Александровна (1893—1979) — русский советский прозаик, журналистка, публицист.

¹⁵ Фунтикова — артистка, исполнявшая со сцены сказку С. Г. Писахова «*Морожены песни*».

¹⁶ Бархаш. — Дополнительное примечание С. Г. Писахова в письме.

¹⁷ «Школа Штиглица» — Санкт-Петербургское центральное училище технического рисования, основанное меценатом бароном Александром Людвиговичем Штиглицом (1814—1884).

¹⁸ Известна копия коллективной петиции, поданной учащимися училища Штиглица в адрес «товарища министра финансов» 25 марта 1905 г. Письму предшествовало почти два месяца протестных действий учащихся, начиная со сходки 8 февраля, где молодежь круговой поручкой улавливалась «прекратить занятия до 1 сентября». Из-за опасения репрессий большинство учащихся «по необходимости» утвердительно ответило на распространенные администрацией именные вопросные листы. Петиция же, подписанная 147 лицами, требовала необходимости «реформ преподавания» в училище, с привлечением в теоретические курсы сведений о русском искусстве, и патристически негодовала, что «в столице всяя Руси» училищному музею «для русского искусства отведен самый убогий и темный уголок» (Рос. гос. ист. архив, ф. 790, оп. 1, ед. хр. № 372. Журнал совета 1901—1905. С. 924, 925, 928). Вольнослушатель С. Г. Писахов был исключен из училища, несмотря на его положительный ответ на анкету о желании заниматься (Там же, ед. хр. 106, л. 121). Было ли это желанием Писахова «пострадать» или за этим крылась иная причина, нам не известно (не прояснено это и в статье Е. И. Ружниковой «Писахов — художник. Заметки к биографии», вошедшей в кн. Ирины Пономаревой). См., в частности, с. 229—230, где справедливо снята версия о выступлении Писахова в 1905 г. «против самодержавия». Формула эта подходила для обстановки советских лет, и только. Писахову, в числе 7 учащихся, отчисленных начальством за отказ от занятий, документы были возвращены 22 марта 1905 г. См.: ЦГИАЛ (Центр. гос. ист. архив в Ленинграде), ф. 790, оп. 1, № 105. Дело № 105. Сборник прокламаций, листовок и воззваний различных студенческих организаций. 1898—1899 гг. Списки учащихся, выбывших в 1905 году, — л. 27.

домой, благополучно — на Новую Землю. В том же году попал в Египет (только до Каира). В 1907 [г.] — тем же путем.

Меня манила Индия, Китай. Про Европу я знал: «Гнилая Европа». Америка — фабрики и тюрьмы. Англичан видел в Архангельске.

Простая и дешевая дорога — паломником через Одессу. Паспорт паломника дешевле, билет до Яффы и обратно — 25 р.

Иерусалим. Мертвое море. Удалось побывать в древнем Хевроне,¹⁹ к удивлению русских и местных жителей.

Из Яффы пароход идет (шел) в Порт-Саид. Я вышел, на поезде — до Каира. К пирамидам на трамвае (!). В этом было что-то оскорбительное. Надо было пешком приближаться.

Пирамиды, раскопки. Этюдник служил подставкой: забирался на камень, на ремне вытаскивал этюдник, снова карабкался. Легкий солнечный удар. Упал в тень, отлежался.

Раскопки, все спят. В жаркие часы жизнь замирает.

Короче: я на раскопках. Галлюцинация: я в глубине тысячелетий... (Я легко вхожу в прошлое. И — у Иерихона, в Колизее, на форуме.) Жара спасла меня от назойливых голодных арабских ребят и от взрослых. Без помехи сделал этюд сфинкса. Написал этюд «Пальмы и пирамиды». (В Каире увидел рекламу мыла Бодло. Пальмы и пирамиды!) Жара помогла благополучно попасть в пирамиду. Арабы спали, это не мешало выбраться. Я запас огарок свечи и спички.

Довольно. Скажу еще: от пирамид к трамваю ехал на верблюде. Больше не хочу такой езды.

Из Александрии — в Бриндизи и Рим. Хорошие воспоминания! Из Рима — в Пирей и Афины.

Видел Олимп, проезжая. Если бы я был Богом, хотя бы Гераклом,²⁰ — не стал бы тут жить. Индусы говорят: «Боги жили там, где один день и одна ночь в году». У нас — на Севере!

На Новой Земле я останавливал часы. Солнце идет кругом. Час — который я хочу! В летнюю полночь (я — с этюдником) на высоком берегу сидел парень ненец, пел. Я не нарушил его одиночество. Ведь я был первый невинопродавец. Парень сказал русскими словами, о чем поет:

— Вышел я ночью на Гору,
смотрю на Солнце,

---

¹⁹ Султанское, правительственное «ирадэ» (разрешение) рисовать по всей Турции и Сирии было бессильно в Хевроне, где находится мечеть с священными могилами Авраама и Сарры. «Скорее, скорее покидайте Хеврон», — уговаривал Писахова переводчик.

²⁰ Вариант этого эмоционального всплеска см. в набросках книги «Голодная академия» (Пономарева И. Б. Главы из жизни... С. 87).

смотрю на Море —
Солнце смотрит на Море,
Солнце смотрит на Меня.
Хорошо нам втроем —
Солнцу, Морю и Мне!

Я тихо поднялся. Долго шел молча. Далеко: парень не услышит. Я бросил этюдник, раскинул руки. Казалось, обнимаю весь простор!

Солнце! Море! и Я!
Где еще мог я так сказать?..

Египет?.. Белый костюм, белый платок, белые перчатки. Из этюдника текут краски с палитры...

В Италии?..²¹ Да, к милым итальянцам, храмам, палаццо и солнышку...

В Петербурге?.. Тут — некогда.

Тот год снегу не видел. Зиму проездил. В Одессе снегу нет, в Петербурге снегу нет. В Архангельске снегу нет.

Пароход отходил на Мурман. Капитан распахнул двери своей каюты, показал на свою койку: «Устраивайся!» Капитан спал на диване.

На Мурмане в становище увидел снег!

Бросился, жадно вдыхал запах снега. Капитан поднял на руки: «Довольно, простуду схватить легко, а каково мне будет?..» Из лап капитана я и не вырывался.

В Самарканде советовали: «Сядь в тень и не двигайся. В тень карагача не садись — тарантулы, скорпионы». Несколько этюдов и — домой.

Крым — Коктебель: пыльная зелень, темные ночи. Старался восхитаться. У остатков крепости подбирал упавшие камни, поднимал на стену. Хотелось думать, что возвращаю на место. На семь дней сократил отдых — больше не заманят!

Против Неба на Земле, в самой середине, где я родился, — самое лучшее место! Так сказывали старики.

В 1906 г. в Карском море с прославленной экспедицией болтался три месяца с половиной — не скучал, с Ворониным В. И. ходил к Земле Фр<анца> Иос<ифа> в его каюте, в его койке. В. И. — на диване, редко было иначе. В 1945 г. был в последний раз в Арктике. Иной стала Арктика.

В 1913 г. в журнале «Аргус» помещена фотография — я сижу голый на льдине.²² Много фотографировали меня купающимся во льдах. Вода чистая, прозрачная: как удержать желание окунуть-

---

²¹ Поездка состоялась зимой 1906 г.

²² Фотографию «С. Г. Писахов на льдине» из журнала «Аргус» 1913 г. см.: Пономарева И. Б. Главы из жизни... С. 69.

ся, побыть под одной крышей с хорошим народом — моржами, тюленями?.. Сегодня, 4 сент<ября>, в поликлинику приходил представитель польского журнала, ему надо сведения о летчике Нагурском.²³ 45 лет тому. И страницы прошлого быстро развертываются!

Ваше хорошее, приятное, приятельское письмо, как видите, дало мне радость вернуться в прошлое. Представитель польского журнала сфотографировал в музее мою картину «Самолет Нагурского на Новой Земле в 1914 г.».²⁴

Да, я был и в Европе. Через Берлин — в Париж. «Свободная академия», где издевались над рисунком, над красками. В Париже я понял слова: Г н и л а я Е в р о п а.²⁵

Для очистки воспоминаний расскажу, как встретил Али (в «Персидской монете» я его вспоминал) — верного спутника.

В Иерихоне предлагали конную охрану (я шел к Мертвому морю) — отказался. С крыши все видно: кусты терновника, серные, смолистые камни. Дали большой красный платок тонкого шелка. Легко уместил его в карман. Припадении надо размахнуть.

Никого.

Вдруг, от куста терновника поднялся парень — очень милый. Поздоровались. Парень легко хлопнул по плечу:

— Москов?

— Москов!

Я спросил:

— Араби?

— Араби! Елла сава, сава (пойдем вместе).

Я спросил имя. Парень в простоте сказал:

— Али.

Я спросил имя отца. Парень сказал:

— Ахмет...

Идем. Али махнул рукой. Конец дамасского кинжала уперся мне в живот! Али стал требовать 20 золотых! Мне стало весело. Али сбавлял цену до одного золотого. Я провел пальцем по лбу. Али понял: я скажу каймакаму (градоправителю) Иерихона. Бедный Али вздрогнул, кинжал исчез!

— Не надо, не надо — Али Ахмед!

Али хотел нести этюдник. У меня было мало слов, я сказал:

---

²³ Нагурский Ян Иосифович в 1914 г. разыскивал на гидросамолете бесследно исчезнувшие в полярных льдах экспедиции Г. Седова, Г. Брусилова, В. Русанова (Там же. С. 70).

²⁴ См. тоновую репродукцию картины в изд.: Степан Григорьевич Писахов. Сто лет со дня рождения. 1879—1979 : Каталог выставки. Архангельск, 1979. С. 25.

²⁵ Пребывание Писахова в Париже относится к зиме 1907 г.

— Елла рух!²⁶

Али исчез! Жаль. Он как-нибудь что-нибудь рассказал бы о Мертвом море.

Я выкупался. Выходя из безжизненной воды, заметил — что-то мелькнуло за кустом: Али берёт меня от нападений. Милый Али!

В Иерихоне удивились, что никто не нападал. Каймакам предлагал пистолет. На мои слова: «Без оружия я смогу себя защитить». Оружие — не защита»...

Этюды Мертвого моря каймакаму понравились. До Иерихона я шел с караваном паломников. Нас охраняли вооруженные конные. Путь по древней стране с древними преданиями сам по себе интересен. Арабы — разбойники, но очень хороший народ.

Воздержусь вспоминать. Одно скажу: много хороших людей встречал!

До больницы была встреча. Идут детины, по походке — моряки.

— Нашему художнику, нашему сказочнику — привет!

Выдвигается фигура:

— Позвольте за всех полярников пожать руку!

— Я хочу всем полярникам пожать руку.

Зная пожатия, я всей силой сжимал протянутые лапищи. Разговор — согревающий.

Бывает — начинают соблазнять поездкой. Но этот соблазн перестал действовать.

Письмо (на редкость короткое) пошлю на адрес редакции «Нева».

Шлю привет от Севера, своей красотой венчающего весь земной шар!

Привет от ледовых просторов!

Привет от морских далей!

Привет от северных сияний!

Привет от летнего незакатного Солнца!

Привет сердечный от меня.

Желаю радоваться работой, радоваться новыми достижениями нашего Советского Союза!

Ст. Писахов

Видите, дорогой Александр Александрович, как мне трудно расстаться с Вами.

Еще надо сказать: редакторы мучают много, а критики поддерживают, не в оговор сказать, всем сердцем желаю им радости.

---

²⁶ «Иди ... !»

Кузьма Прутков сказал: «Поощрение необходимо, как канифоль для смычка виртуоза».²⁷ А «Английская корона»²⁸ — если позволите, по выходе из поликлиники пошлю Вам.

Жму Вашу руку

Ст. Писахов

г. Архангельск

Мой адрес
Архангельск
Ст. Гр. Писахову

Я не знаю, где буду, — в спецполиклинике, во временной квартире или закончат ремонт дома. Почта доставит.

Простите, письмо мало выразило, что хотелось сказать. Этому и больничная обстановка помешала.

Только завтра, 6 сент<ября>, будут посетители, завтра могу отправить письмо. Вспоминаю прошлое до 75 лет назад. Ведь можно «вспомнить» (придумать), что будет через 41 год. Знаю: красивая, новая будет жизнь!

Записываю: «*Как мы встречали 2000-й год*». Поощрю Вас, не буду рассказывать. Землякам хоть каждый день говори новую сказку. Я и говорю о 2000-м годе...

Раз в саду обступили ребята, сели рядом, сели перед скамейкой, стали сзади. Я рассказал, как поднял маленькую речонку, проветрил. А всей деревней — зимой Двину подняли. На хохот прибежали еще ребята, просят повторить. Один из слышавших стал рассказывать.

Ребята поправляли:
— Говори, как было!..

У нас говорят: «Говоримое в слове живет».

Есть у меня сказка «Английская корона». В печать не пустят. Выйду из поликлиники, с Вашего позволения, пошлю Вам.

Книжка сказок появилась в продаже. Магазины закрылись на учет — книжные магазины. Ко мне приносят для подписи. Жду, когда попаду домой: надо посылать. Думаю Вам послать.²⁹

²⁷ Цитируя «Плоды раздумья» К. Пруткова по памяти, С. Г. Писахов отступает от оригинала: «Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза» (*Кузьма Прутков*. Полн. собр. соч. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. 2-е изд. М.; Л., 1965. С. 129. («Библиотека поэта. Большая серия»).

²⁸ Ныне машинопись сказки, начинающейся словами «Корона соединенного королевства Великобритании», хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

²⁹ Экземпляр упомянутого сборника 1959 г. «Сказки» с талантливыми иллюстрациями Ю. М. Данилова, графическим портретом писателя рабо-

Легко писались сказки, когда печатали «30 дней». Пишу, только не всякая нитка — в узор ковра.

Архангельску исполняется 350 лет. Юбилей отложен на 50 лет. Мой, видимо, отложен будет на 5 лет. За два месяца в поликлинике только один Суфтин (возглавляющий здешний отд<ел> С<оюза> П<исателей>) раз заходил. Никто из пишущей братии не показался.

В 1910 г. была первая в Архангельске выставка моих работ, в 1960 г. будет [тому] 50 лет. Трудно пересчитать, сколько выставок моих работ было за 50 лет.

Я утомил Вас, простите, дорогой Александр Александрович!

Ст. —

6 сент<ября> 1959 г.
г. Архангельск

№ 2

Дорогой Александр Александрович!

Я уже вышел из спецполиклиники. Могу писать не карандашом, могу посылать свои книжицы. Кузьма Прутков сказал: «Поощрение необходимо, как канифоль для смычка виртуоза». Ваше письмо для меня целительное. Мне предложили курорт. Нет, нет! Я два месяца отдохнул в ласковой заботливости врачей!

Книжица «обработана» редактором. Я все же посылаю Вам. «Английскую корону» передам отбарабанить машинистке. Не имею Вашего разрешения, а пошлю Вам.

Сентябрь богатый, урожайный! Луна — наша! Атомоход! Спутник 8-ю тысячу [оборотов крутит], радует нас и «радует» капиталозаправил! Хочется представить себе переживания Эйзенхауэра и еже с ним, когда Н. С. Хрущев преподнес вымпел и знаки — точную копию тех, что на Луне. Говорят: «Луна — часть СССР!» Улыбки, выражение благодарности, крепкое рукопожатие, восторг учеными и рабочей силой большевиков! Все артистически-дипломатически исполнил Эйзенхауэр! Не скрипел зубами, не бросился с кулаками. Только чтобы не видеть подарка, отдал его в музей. Это разумно: продававшие и покупавшие участки Луны пусть знают. Пусть требуют обратно деньги за «свои» участки Луны!.. А Микоян А. И. «шутя» сказал, что прав на производство и торговлю русской водкой американцы не получили. Он не сказал, что это жульничество! Он, А. И. Микоян, сказал «шутя», а все-таки дал по морде!

ты М. С. Баранчеева с автографом автора проделал в свое время путь по домам ленинградских писателей — поклонников С. Г. Писахова.

Н. С. Хрущев мне представлялся укротителем среди чудищей, жаждающих рвать, уничтожать за деньги, деньги, деньги! У Н. С. Хрущева вместо хлыста укротителя — ракета, атомоход, 3-й спутник, наши артисты, спортсмены! И т. д. А сокращение рабочего дня!!

В поликлинике думалось: «Если бы я был [в] Америке? Какой счет предъявили бы за каждый день!» А забота! Ласка! Ведь это у нас, в СССР!

Я хотел подарить докторам свою книжицу. Предупредили. Приносили с просьбой подписать. Мой товарищ (мы с ним с 1905 г. не встречались: он стал гражд<анским> инженером) пишет: «Записался для полета в Космос... Чем я хуже собаки!» — восклицает. «Конца» не боится: ему уже исполнилось 80! Я написал ответ: «У меня тоска по родине. Доктора оттолкнули от края. Хочу быть дома».

А ракета вернула к встрече 2000-го года. Если за первые 40 лет весь мир стал жить новой жизнью! А еще 40?.. Много вспомнил (придумал): «Газету „Правда Севера“ из Архангельска послали на Марс (через промежуточную станцию) раньше, чем дали нам, читателям! Газета развернулась. Я не видел передовую, не видел объявлений на последней странице. Успел схватить глазом правительственное постановление». Если какой-нибудь намек на содержание передовой 1-го января 2000-го года, я обяжусь назвать автора, кто вспомнит (придумает).

Еще о действии хорошего слова. У Бориса Шергина умер его приятель, дорогой Борису, — дороже всех родных. Сам Борис углублен в старину и в старины. В [газете] «Лит<ература> и Жизнь» появилась статья «Душа Севера». Это смягчило горе Бориса.

Дорогой, хороший Александрович Александр (по-старинному, впрямь говорили отчество — почет отцу — поклон отцу, со вторым поклоном называли имя приветствуемого).

Сейчас почталион принес Ваше второе письмо. (Я собирался по выходе из поликлиники и начал сегодня 28 сент<ября>.) Это дает право говорить с Вами, не щадя Вашего терпения и времени.

В 1905 г. я выступил с речью. Это не в моем характере. Я рассказываю много, а выступать, произносить речи — на это меня нет. В 1905 г. я так кипел! Мое выступление в Школе Штиглица вызвало отклик. Исключено до ста пятидесяти и т. д. Остальное я писал.³⁰

В Палестине я был два раза. В 1905 г. ехал втроем.

---

³⁰ Замечания С. Г. Писахова «остальное я писал» здесь и далее связаны с тем, что одновременно писатель рассказывал свою биографию разным корреспондентам. Между собой перекликались письма, направлявшиеся мне и Н. Л. Сахарному, который в 1959 г. выпустил в Архангельске биографический очерк «Степан Григорьевич Писахов».

В Константинополе, для проверки, сел перед дворцом Султана. Открыл этюдник, начал писать этюд. Ждал ареста. Оный не заставил долго ждать. Два офицера что-то говорили, делали какие-то знаки. Я откликнулся:

— Любезно с вашей стороны, милые турки! Ведите, теперь я узнаю, куда, к кому надо обратиться.

В полиции меня мило приветствовали. Я подошел к сидящему за столом: это, видимо, было какое-то старшее начальство. Я знаками попросил его освободить место. Чин удивился и сошел со своего кресла. Я уселся. Стал рассматривать бумаги. Строки каких-то знаков, строчки идут вверх. Пересмотрел все на столе. Хлопнул по ящикам стола. Турка — забавный чин — открыл ящик, достал наручники. Показал на сотrudниках, как быстро умеет защелкивать. Я просил «освободить», пожал руки, только что бывшие... Хотелось обнять ребят, но я не знал, как это по турецким обычаям. Показали арестные помещения: яма, решетка сверху. Решетка из железных прутьев — клетка у стены, выходящей на улицу. Прохожие могут бросать хлеб, деньги. Страж может бить прутом, пленный отскакивает.

Я вернулся в канцелярию. Явился чиновник из посольства. Озабоченно спросил: «Как отнеслись чины?» Я просил передать мои извинения и благодарность за терпение, рассказать, что я из страны льдов, белых медведей. Чиновник просил проверить, все ли в сохранности в этюднике. Я протестовал. Положил руку на этюдник, не позволил открыть. Потом узнал: недоверие — оскорбление тяжкое для турок. С турками я попрощался, как с друзьями. Чиновник переводил.

Пошел в посольство. Посол — Зиновьев выходил, куда-то ехать собралось Его высокопревосходительное сиятельство. Я, минуя лишние приветствия, высказал просьбу добыть разрешение писать этюды в городах Турции и Сирии.

Зиновьев говорил:

— По представлению турок, изобразивший образ человека будет жестоко наказан «Там». Изображенные явятся и скажут: «Ты дал нам образ — дай и душу!» Давший образ обрекается терпеть мучения и за них.

Я согласился. И с высокопревосходительным сиятельством мы расстались ласково.

Ведь это не «Гнилая Европа»!

Мне сказали: самое большое оскорбление для турка — касаться лица. Ответ — смерть!

Нет, это не страшно! Выбрал турка. Стоит важно, довольный своим самочувствием. Поздоровались. Мои спутники удрали «от греха». Я ткнул указательным пальцем в пузо. Турок ласково качнул головой. Я сделал шаг пальцами. Турок доволен. Еще и еще шаг пальцами. Турку забавно. Поднял палец к подбородку и оста-

новился вопросительно. Турок двинул голову к пальцу. Я поднял палец к носу. Турок сам ткнулся носом в палец! А дальше я всю милую морду т е р д в у м я р у к а м и! Прощаясь, я проделал руками: «Умом почитаю, устами хвалю, в сердце образ храню». Турок — тоже. Отошел, обернулся: турок стоял с рукой у сердца, улыбнулся, как родному, и прижал руку к сердцу! Это второе движение руки к сердцу согревает до сих пор! Да позаботится Аллах о душе его!

В Иерусалиме я получил султанское *ирадэ*: бумага с печатью султана, разрешающая рисовать во всех городах Турции и Сирии. Не сказано: кроме Хеврона. Сие подразумевалось. Да, но не было сказано.

Каймакам Хеврона оказался болен. Переводчик уговаривал скорее, скорее покинуть Хеврон! ([Бывшее] дальше я уже писал.)

В Петербурге художник Гольдблат Я. С.,³¹ глядя на этюд мечети, покрывающей могилы Авраама, Исаака, Иакова, расплакался. — Что с Вами?

— Сейчас я не художник, я старый еврей. Продайте!

Я у него уже учился, и бесплатно: мои работы оставались собственностью мастерской. Этюд остался у Гольдבלата.

До Мертвого моря добрался (до Иерихона шел с караваном паломников пешком). Это было весной. Точно месяц, число не помню.

Как легко вспоминается в письменном разговоре с Вами. Вы повернули меня к себе душой. Сколько говорят: записывай! Нет, нельзя рассказывать просто так, не обращаясь к живому человеку. Прошлое разворачивается ярко. Многие сглаживаются.

Вторая поездка в Палестину в 1907 [г.] — с 4-мя копейками, двумя кулками сахара.

В 1905 г. в Константинополе я бродил в Старом городе. Стемнело, заблудился. На какой-то площади за выдвинутым от заку<со>чной столом шумели детины — то ли грузчики?.. Широкие спины, морды разбойничьи. Напомнили компанию, пишущую ответ султану, только дух сказок «1001-й ночи». Красота! Фонарь из закускойной, керосиновая лампа на столе. Ближе ко мне — албанец в мягкой феске, кисть упала на спину. Так по-хорошему широкая спина, что со всей силой я трахнул! Я великан — рост одинаковый с Наполеоном! (Это сравнение явилось, когда явилась сказка «*Наполеон*».) Албанец обернулся с такой радостной улыбкой, что мне до сих пор приятно! Своей лапищей осторожно взял за руку, усадил рядом.

---

³¹ Художник Яков Семенович Гольдблат (1860—?) — ученик П. П. Чистякова. В Академии художеств в 1880-е гг. писал картины на исторические и религиозные темы. Получив звание классного художника, создал в Санкт-Петербурге свою рисовальную школу.

Я произнес, подражая актерам, выпренным тоном:

— О, порожденные сказкой сверкающего Востока! Приветствую всем сердцем! Благодарю, что не во сне, не на сцене, а в яви вижу ваши образины! В сердце моем — любовь к вам!

Привстал — и снова трахнул албанца по спине!

Ожившие из дальних столетий тянули свои лапищи и пожимали руку бережно (наши поморы и полярники сжимают так, что надо самому жать, дабы сохранить свою). Детины сказочные бережно отнеслись. Подвинули кофе, раки<ю> (анисовую водку), вино. Я отказался.

Объяснил милым чудищам: заблудился! Все заговорили — устроят, где спать!

Кое-как объяснил:

— Монастырь Синай. (Я остановился на Синайском подворье.)

Поняли ребята. Все хотели проводить. Битый мной албанец отставал с в о е п р а в о. Он так умильно смотрел, так прижимал свою руку к сердцу, что я погладил его по месту нахождения сердца. Что-то говорили мне, упоминая Аллаха.

Да, спасибо! Да будет борода Магомета на головах ваших, милые дети! Буду хранить в памяти сердца моего встречу с вами! (Вот 54 года храню — это часть моего богатства.)

Хранитель мой довел меня до подворья в Галате. Как я хотел обнять его громадную грудь, но я не знал, как это может быть истолковано.

Как я варил халву, я уже говорил.

Брел по узкой улице. Верхние этажи выступают над улицей. Идет нищий слепой. Улица пуста. На нищем надето что-то голубое, выцветшее. Глаза оба закрыты бельмами, подняты кверху, рука протянута. Нищий один в безлюдной улице. В верхнем окне отодвинулась деревянная решетка. Милое лицо без чадры, рука бросила монету. Я поднял, передал слепому. Я не утерпел, что-то приветное крикнул *джамили* (красавице). Из ворот рванулся дряхлый старик с палкой!

— Русс, нет хорош, русс нет хорош!..

Я двигался скорее старика.

Если бы условия были тех времен (о визах не говорили; паспорт в порядке — и все), я поехал бы еще раз.

А в Европу?.. Нет, из нашей чистой страны — никуда!

А. К. Покровская была директором Инст<иту>та методов внешкольной работы. Там работала Крупская Н. К., Менжинская И. Ю. и Фрумкина Е. Е.,³² Лилина.³³ Покровскую зовут — «женщиной без компромиссов». (Она редактировала

---

³² Фрумкина-Гвоздикова Екатерина Евгеньевна (1882—1929) — детская писательница 1920-х гг.

³³ Лилина Злата Ионовна (1882—1929) — журналистка.

какие-то ученые труды.) Я приезжал в Москву, останавливался в этом инст<иту>те. Рассказывал свои новые сказки и, рассказывая, заканчивал, и тогда записывал, нес в редакцию.

В Самарканд попал, кажется, в 1911 [г.].

В Крым заманили в 1952 г. Виноват Литфонд. Больше не заманят!

Тыко Вылка в Архангельске. Поставили домик на две квартиры. В одной — Вылка с женой. Стряпает картинки полудетские. Акварели покупает музей. «Ученые» приезжие приходят посмотреть Вылку, хвалят и уносят на память! Я уговорил жену Вылки, чтобы даром не отдавала.

«Ученые» приходят на меня поглядеть. Задают вопросы. Про это я, кажется, писал Вам.

Мой портрет и оформление сделал Баранчев Мих<аил> Серг<еевич>. Рисунки в тексте — моего ученика Данилова. Юрий Михайлович после десятилетки попал в Академию.

С Леонидом Леоновым знаком, если не ошибаюсь, с 1917 года. Фотографию свою пошлю, если найду. Местные фотографы уже не один десяток лет фотографируют — мне не дают. Ждут какого-нибудь случая: юбилея или смерти. Лучший фотограф Коровицын К. С. работает в газете «Правда Севера».

Сказки для «Невы» — очень хотел бы! Да не для печати. Пошлю Вам *«Англ<ийскую> корону»*. Сказку *«Польза от губернатора»* — надо сначала просить извинения у машинистки. Сказка не имеет похабщины. Я соединил желудок с губернаторским ... Похабщины нет у меня.

Кинооператор Козырев делал съемку у меня, целый день шипели юпитеры. В перерыве Козырев рассказал о пребывании в СССР рас-про-пропочтенной леди Черчилль, она же Черчиллиха. Ни одной кондитерской фабрики не пропустила. Выходила с фабрики леди Черчилль, за ней несли большие пакеты! Кинооператоры почтительно запечатлевали для потомства. В Ленинграде леди Черчилль посетила Музей обороны города. Встретил директор Музея. На нем — серая каракулевая шапка. Черчиллиха разахалась, шапкой восхищаясь. Уходя из музея, распро-леди несла в руках шапку серого каракуля, директор шел в фуражке. Ведь никто из русских не взял бы с головы английского офицера — из брезгливости. Могла спросить: «Где купить такой каракуль?..»

Про Луну, про восторг Эйзенхауэра, получившего вымпел и знаки, утверждающие принадлежность Луны к СССР.

Причем было любезнейше сказано:

— На Луну лететь можете, если сможете...

Прошлым летом приезжал художник из Москвы. Просил позировать. Я сидел. Портрет какого-то стодевяностолетнего, расслабленного, со слезящимися глазами. Увидал меня в бе-

лой рубашке: дни были жаркие. Хотел сие писать. Но я — благодарил.

Приехала акварелистка Польская (имени ее не знаю и не хочу узнать... слова и музыка заимствованы). Явилась ко мне.

Сначала — хотела поселиться.

2-е — ей надо картины порта:

— Если не позволят — повешусь!

— Вешайтесь!

— Ах, что вы сказали?

— Вешайтесь. Вам и людям легче.

3-е:

— Ах, какое удобное кресло! Я хочу иметь!

— Вешайтесь — не отдам!

Обратилась Польская в М.В.Д. Отнеслись прекрасно! Дали моторную лодку и повезли писать картины порта. Польская могла любоваться работой лесосплава. А лесосплавщики таким фольклором щеголяли!

— Ах, какой ужас! Они так! Так! Во всю — растак!

Я думаю: лесосплавщикам посоветовали [показать себя] — для картины порта. Если бы я знал, кому пожать руку, поблагодарить.

О Хевроне есть поверие: если гяур дойдет до могилы Авраама, Исаака, Иакова — конец турецкому владычеству!

Я многословно и долго выражал радость о болезни каймакама! Переводчик испуганно слушал и успокоился, узнав, что я имею лекарство для исцеления каймакама. И я буду иметь радость, счастье видеть г-на каймакама в полной парадной форме, и с подобавшей свитой, — и показал ирадэ с печатью султана. Я лицезрел великую особу, отвечал на поклоны. Из Хеврона до Иерусалима снова пешком — с караваном. От Хеврона до Мамврийского дуба — один.

Хорошо вспоминать Восток. Пока писал — рассказывал — я душой согрелся.

Александр Александрович, я не мог писать спокойно. Таким теплом Солнца, теплом человеческого сердца пахнуло! На тепло сердец я не жалуясь. Если и конец, то хорошо провожают.

А передовую для газеты 1-го января 2000-го года, может быть, придумаете — вспомните. Если соберусь собрать воспоминания — пошлю.

Это еще не все!

Мой портрет Вы видите в книжице. Мне хочется видеть — кому я так пишу. Турок, которому я мял морду. Албанец, которому я трахал со всей силой по спине, чувствовали, что я их люблю!

Если нещадно пишу, значит люблю!

В чем и расписуюсь

Ст. Писахов

Начал 29 сент<ября>
Сейчас уже третий час 30 сент<ября>
Надо посылать телеграммы.
Утомил — простите. Фото пошлите. Спасибо, что дали заглянуть в хорошее в прошлом!

Ст. —

Еще о моем наряде в пути к Мертвому морю. Али упер кинжал обоюдоострый, дамасской стали, — на мне был белый тонкий пиджак, внизу — белая рубашка. Острие кинжала не обижало — щекотило и очень забавляло! Белые тонкие брюки, надо точно сказать: не белые, а чуть кремового цвета. Куплен костюм в Иерусалиме за 4 р. 50 к. Очень удивились окружающие арабы, что я не торговался.

На шляпе — большой белый платок, спускавшийся до плеч. Вместо тяжелой черной повязки, похожей на колбасу, я купил зеленую с золотыми перехватами.

Повязка начальника. Я не знал. Просто легче и красивее.

Повязка показывала, что я не *хаваджи* — господин, а *эфенди* — начальник. Это спасло меня на раскопках у Пирамиды. Я уже писал.

В Одессе свой белый костюм (уже довольно загрязненный и в пятнах красок) я продал за рубль. Разом закричали:

— Дам два!

— Дам три!

Я назначил цену. Первый сиял, будто получил сокровище!

Он доволен!

И я доволен!

№ 3

Дорогой Александр Александрович!

...А лет ему...

зазвучало! И придвинулась пора того времени, а в мыслях подсчет пошел... внук, правнук...

В 1905 году у Передольского, в Новгороде. Сначала голос широкий и сердитый слышал:

— Кого нелегкая принесла?

Вышел старик, ростом больше Толстого. В теплой рубахе. Я остановился снимать пальто.

— Не в час пришел? Простите, приду в другой раз.

(И мысли не было в другой раз такому приему себя подставить.)

— Сколько вам лет?

Я сказал.

— Я на сорок верст раньше вышел, можете не сердиться!

Дальше общение с Передольским было дружеское.

Рассказали: при каких-то раскопках нашли каменные надгробницы князей (имени их нет в моей памяти). Губернатор продал (!) англичанам. Передольский приказал возчикам везти к нему во двор. Рассвирепевший губернатор явился к Передольскому. В разговоре Передольский дал по морде губернатору! Губернатора перевели.

1100 лет Новгорода. Расстрогал новгородец письмом.

Простите, милый правнучек, когда подходит конец, приветное слово — живительное, как Ваши письма.

Пишет новгородец:

«Я давно являюсь поклонником Вашего таланта, Вашего чудесного поморского языка, так близкого и дорогого и нам, новгородцам. Этот язык сохранился еще во многих деревнях вокруг Новгорода, особенно на берегах Ильменя».

№ 4

Дорогой Александрович!
Дорогой мой Александр Александрович!

26.X

Несколько дней назад я писал Вам. Найду написанное — пошлю. Вчера 25.X — куча адресов, кажется 25 — подарки, телеграммы, письма, а мне недоставало слова от Вас (избаловали). Сегодня светлее стало — от Вас слово есть. Когда Вам стукнет 80, сами узнаете, как дорого приветное слово.

Получил зачетную книжку студента Арх<ангельско>го Госуд<арственно>го педагогического инс<титу>та имени М. В. Ломоносова. Почетный студент. Эта книжка даст право являться на танц-вечера.

Много хороших слов слышал. В ответ речь построил на трех сорокалетиях. Жил 40 при старом мире, 40 строительство нового и 40 светлого (40 коих хочу прожить, не пропуская ни дня). Сказал часть — о «Встрече 2000-го года».

В привете от лесопильного завода назвали «наш Бажонный». Это давнишняя ласка.

Леонид Леонов...

...не буду всего перечислять. Три ученика из Ленинграда (ученики в средней школе). Один окончил Акад<емия> Художеств, другой Академию военную. Третий не говорит о своем чине: воен-пенсионер. Написали: «Дни

на Поморской у меня — лучшие в их жизни!»! Особо одаренных я приглашал к себе не более шести за раз. Удобнее, когда три. Юрий Данилов после десятилетки попал в Ак<адемию> Худож<еств>.

Много взяла война. Для меня мои ученики не чужие. Сейчас их письма трогают до слез (радости).

Ю б и л е й — гражданская панихида, а у меня такое желание мне быть! Представитель Обкома так ласково сказал, что я ударил его по шее (нельзя же по голове погладить). Словом: очень хорошо! Хорошо, что подарки и адреса привезли на квартиру.

А я каждую новую телеграмму открывая, смотрел на подпись, ждал и сегодня — имею! Отложу.

Написанное поищу, добавлю, поправлю. Вам уже не привыкать стать к о р о т к и е письма мои читать.

40 лет впредь — лучи Солнца заменят все горячее и т. д. Сообщение с Москвой — без затраты времени. Просвечивание Земли — геологам не надо и с к а т ь. Облучают — и видят, где что.

О м у з ы к е... молчу: много времени займу.

Мои ученики из Ленинграда. Трое, о коих я упомянул. Послали посылку. Тяжелая. Встречные считали своей обязанностью помочь. Это внимание трогает. Дома открыл: в посылке самовар электрический!!! Чудаки, знают, что мне интереснее что-либо, что называют лакомство. Знают ребята: вино, водка, курево — не моя специальность. Очень трогательно сидеть за самоваром. Одна героиня моих правдивых рассказов чай пьет первые 18 ч а ш е к — б е з с а х а р у! Но ведь не я! Хлопотали, посылали — спасибо, но...

Как-то хотел рассказать, как я п е л в Риме. Успех! Ни голоса, ни слуха.

Музыку иногда вижу. Это большая радость.

Картины слушаю, ощущаю. Люблю холод Брюллова, далеко уйду — продолжая.

Лет... словом — в 1907—1909 писал «Сны» акварелью. Сон после усталости, после работы. Сон очень хороший, а рассказать нечего. Что-то рушит сон. Будильник врывается в глубокий сон и т<ак> далее. Все пейзажи — далекие от реальных.

На эту тему спрашивают двое, а мне легче писать Вам. Утомляю — простите. Вы вызвали «дух откровенного говорения» — терпите. Помните у Гете?.. Нет, нет! Я реалист.

В сказках не надо сдерживать себя — врать надо во всю! В живописи я обязан быть правдивым. П о с с о р и т ь с я с П р и р о д о й р а д и в ы к р у т а с а — П р и р о д а з а м к н е т с я.

Пора спать, скоро заговорит Москва (скоро утро).

На Новой Земле летом Солнце идет кругом — время, какое мне угодно! Бедные южане этой радости не знают.

Были поиски Нобиле. В Арктику попал Александр Ст<епанович> Яковлев. Увидали медведя. Палили во все стороны. Корреспондентам интересно стрелять в Арктике. Медведь благополучно ушел (я рад до сих пор).

Оглянулись «охотники»: полночь. Солнце над горизонтом. Золотые радуги стелются над льдами, льды розовеют, часть льдов в воде. Зеленая и светлая тишина!

Яковлев писал: «...Вот где рождается сказка!»

Следовало Александру Степановичу добавить:

Вот где рождается музыка!

Вот где берет начало поэзия!

№ 5

[Открытка]

Поздравляю милого Александра Александровича с 42-й годовщиной Великого Октября!

Желаю много радостных встреч годовщины Октября до 2000-го года!

И далее!

Желаю радости новых достижений нашего Советского Союза!

Ст. Писахов.

[4.XI].1959 г.

г. Архангельск

№ 6

Дорогой Александр Александрович!

Сегодня 7 ноября. Снова берусь писать Вам. Это становится привычкой: на приветное слово легко откликаться.

На парад не пошел: надо рано встать и на трибуне три часа стоять...

Вчера, 6-го, на торжественное [собрание] пошел. На билете сказано: «Действителен при предъявлении паспорта». При входе протянул чину билет пригласительный и паспорт. Чин взял паспорт и хотел развернуть.

— А если бы я дома оставил паспорт?..

Чин сейчас же вернул паспорт. Руки были заняты, я не мог ткнуть кулаком в пузо чина. Сие значило бы: «Желаю быть здоровым и в хорошем настроении». Сказал чину:

— Прощаю!

И чин и присные с ним поняли, что это однозначно кулаку в пузо!

Совершеннолетие прошло благополучно. Ведь это гражданская панихида. В письмах начатых я как будто уже описывал. Сначала напишу, поговорю. Разберу исписанные листы и... пошлю. Не очень протестуйте. «Просите писем...» Я Вам пишу с удовольствием: приятно, что можно обо всем говорить... сами виноваты.

До сего дня получаю поздравления от людей, коих не знаю или не помню. Из Арзамаса зав. облоно пишет, жена его вторит, что мы знакомы и т. д. Спрашивает согласия на приезд в Арзамас: «Вечера сказок Писахова для учеников, студентов, партактива». Надо будет написать: «У меня тоска по родине (мучительная болезнь)». Я уже говорил, что началась с 1905 года.

В 1907 году приехал мой друг Дм. Дм. Руднев. Спросил у мамы:

- Дома ли?
- Да, дома.
- Позовите.
- Он на Новой Земле.

Мама считала, что в Арктике — дома. И я так сам чувствовал. Ехать в ВУЗ, в школу — это легко.

Получил отклик от Леонида Леонова. Как подобает, начинает с поздравления в возраст входом:

«Дорогой...»

Читал присланную Вами книжку сказок и поражаюсь количеством юмора, оптимизма и вообще хорошего, заразительного для читателей настроения. Как видите, и на меня, известного своей мрачной писательской философией, творчество Ваше производит благотворное влияние».

Ура, ура! Салют, салют! Привет, привет! Обнимаю, обнимаю! Прошибить Леонида! Это очень радует.

Хотел вспомнить, как я попал в его объятия... У меня силы-то — не как у него. Я — бородой... Происходило это в мрачные дни Леонида.

Загляну в страницы исписанные. М<ожет> б<ыть>, все пошлю.

Рассказал, как при входе на торжественное заседание я не стукнул чина по пузу. Не думайте, что избиваю чинов.

Раз, весной, я спросил милиционера:

— Когда будет хорошая погода? — Милиционер подтянулся, козырнул:

— Мама сказала: через 5 дней!

Какой хороший парень! Отношение к маме, отношение мамы к нему! Настоящий советский парень! И не знает, детина, как обрадовал меня! Через пять дней наступила хорошая погода.

Еще не ответил на Ваш вопрос о Ближнем Востоке.

Самарканд. *Сарты* — обидное слово для узбеков. С ними никакого слова! К русским отношение (было) озлобленное, похоже на отношение к англичанам и американцам в Архангельске в дни эвакуации. Мой товарищ, соблазвивший ехать с ним, к нему, уговаривал:

— Сядь в тень и не двигайся, легче будет. К карагачу не подходи, не соблазнишься тенью. В ветках карагача селятся тарантулы и скорпионы: не прозевают оказать внимание!

Я уехал.

Товарищ писал мне: «О, сын Снегов Северного Полюса, брат Северного Сияния, друг Белого медведя! Долго после отъезда твоего, ввергшего в скорбь всех правоверных, продолжалась прохладная погода... Да почиет на голове твоей борода пророка, устраняя с пути духа твоего камни зла и порока!»

Я ответил кратко: «Не знаю, как борода пророка на моей голове, а моя на твоей будет при первой встрече».

На 2-й с/х выставке я заходил в павильон Узбекистана.

В Москве с узбеками можно было говорить. М<ожет> б<ыть>, Октябрь повернул их к русским? Раньше презрительное отношение чиновной России заставляло презирать русских. Это было в 1911 году.

После больницы мне предложили курорт. Это даже испугало. Курорты мне кажутся значными местами.

Если в кино иностранные города, хочу спросить: «Когда поезд отходит?»

В Москве мне надо каждый день видеть кремлевские звезды. Это не было трудно. Я жил на Маросейке.

В Архангельске мне надо видеть Двину. Ширина от 3-х до 5 километров зимой. Прошагать километр, и кажется: далеко от шума городского. И вернуться домой хорошо.

Предстоит тяжелая пора: возвращение в отремонтированный дом. Будет тепло с полу. Две печки — выюшки под потолком. Говорил с предс<едателем> исполкома, с обкомовцем — ему подведомственно. Но жакт сильнее. Моя комната — 50 м. Пригодна для пивной, парикмахерской...

Через десять лет опять юбилей — 90. К тому-то времени подготавлиюсь.

В 1907—1909 гг. «сотворил» две картины: «*Голубое колебание розовой души*» и «*Восторг рыжей коровы*». Мой учитель отговорил выставить: дешевый успех соблазнит, уведет от общения с природой.

Друже милый! Утомил я Вас — простите и обнять Вас разрешите —

Ст. Писахов.

А. А. Караваева проявила большую заботливость. До юбилея за полторы недели послала поздравительную телеграмму и адресовала: в юбилейную комиссию.

Приезжал детина из [газеты] «Литература и Жизнь», пояснил: Анна Александровна напомнила о юбилее и т. д. Пожалуй, А. А. была права. Следующий — 90 лет — я сам буду рассылать билеты. Многие говорят: не получили билета. Прочитали в газете извещение, но не знали часа. А все-таки собрались!

В 1939 г. Аннушка сказала: надо написать заявление так-то так-то. Не сказала, что надо собрать рекомендации. Я уже говорил: на вопрос: «Кто рекомендовал?» — ответ: «Президиум».

Не удивляйтесь ребячеству. Гёте сказал: «Неправда, что человек впадает в детство. Старость, приходя, застаёт детство».

На днях в столовой подсел студент 3-го курса Лесного техникума института. Назвался критиком. Хочет поговорить со мной. Заявил: хочет разнести всю литературу. Сделал большую ошибку: поставил бутылку пива. Без пива я охотно поговорил бы. А пиво — разговор был краток: я ушел. У парня началась вторая, самая страшная старость. Ему 27.

Первая старость — 14 лет. В статистике прошлого много самоубийств в 14. Пугала половая зрелость.

Вторая — 27. Полное физическое развитие. После 30 — освобождение от второй старости. Тициан на 93-м году писал весенние идиллии...

Иногда большие имена помогают, как увеличительные стекла. Кабы не бутылка пива, я поговорил бы. Может быть, разном моих сказок он подсказал бы что-либо. А отзыв молодого Л. Леонова (ему всего-навсего — 63-й) и без пива приятнее.

Получил письмо из Новгорода. Пишет тамошний старожил. По душе ему язык моих сказок. «В деревнях около Новгорода и Ильменя таким языком говорят». Писал ответное, вспомнил о старике Передольском. Собирая, что писал Вам, <...> для ответа Вам я обозначал №№ страниц, а не отмечал, кому.

Александр Александрович, Вам со стороны виднее. Может, я просто впадаю в болтливость старческую? А Гёте «Фауста»-то заканчивал 60-ти лет. Л. Леонов на 63-м переработал «Вора».

А спутник 8-ю тысячу крутит и про остановку разговора не ведет! Никакого горючего на такой путь не хватит! Если запряжено Солнце! А это страшновато! Не нам овладеть лучами Солнца. Тогда не только на Луну — в галактики! Счастливые Ваши годы! Сколько Нового, Прекрасного! Как светло обновится жизнь! Мои 40 в прошлом, 40 в настоящем! Ах, как хочется заглянуть в 40 грядущих!

А жениться надо или до 27 или после 30. Вы не женаты?

Еще раз простите за долгое-длинное письмо. Лет через 60 Вы поймете, как дорого приветное слово, как оно заставляет откликнуться.

Уже 8 ноября! Ночь проходит.

Ст. П.

Архангельск

Жаль, если после этого краткого письма Вы прекратите переписку.

Ст. П.

№ 7

Дорогой, хороший Александр Александрович!

Поздравляю с новой ракетой!

Приходится всем Никсонам верить! Придется согласиться с разоружением! Поджечь хвосты. А как будут восторженно поздравлять!

Эта Осень для нас Весна! а для..... пропускаю слова, опасаясь, что бумага не выдержит — для миллиардворотил — осень!

Александр Александрович, я уже сдал машинистке «Корону» и «Бабушка, закинь меня на Луну». Не получил Вашего позволения послать, а пошлю Вам. Заранее прошу, хороший мой, простите!

Глав<ный> ред<актор журнала> «Литература и Жизнь» просил послать что-либо неопубликованное. Пошлю «Корону», — не пустят. А про «Луну» — авось! Есть еще «Польза от губернаторов».

Это воспоминание 1907 года. Его Превосходительство изволило ехать на Новую Землю, удостоился возможности видеть (лицезреть) распоя<сав>шегося Властелина Севера! Для посылки Вам прошу Вашего согласия, без коего не решусь послать.

Скажу: похабины не может быть в моих рассказах. Но может быть отзвук с «Проданным аппетитом».

Жду газет, жду прочитать дипломатические поздравления миллиардакул! Нельзя о них начать плести сказку с натуры. Ракета рассказывает хорошо, убедительно! А какие достижения будут к 2000-му году! Хочется подождать! Сначала перешагнуть через совершеннолетие.

Очень жду получить фото. По письмам чувствую, радуюсь, хочу видеть.

Крепко обнимаю —

Ст. Писахов.

5.XI.1959 г. Архангельск

№ 8

Дорогой Александр Александрович[!]

Так и не дождался я Вашего разрешения послать «Корону». Извините, что послал. Я просто выразил «уважение» англичанам. После интервенции («инстервентов») еще не выветрилось впечатление.

«Как мы встречали 2000-й год» все еще «вспоминаю». Особенно задерживает передовая газеты 2000-го года — 1-го января. Я успел глазом схватить правительственное постановление — только.

«Польза от губернатора» — т о л ь к о с Вашего позволения могу послать. Даже не отдал печатать машинистке.

Крепко Вас обнимаю —

Ст. Писахов.

8.XI<...>1959. Архангельск

№ 9

«Вы просите песен,
их нет у меня...»

Дорогой Александр Александрович!

Вы просите писем, для Вас — вороха исписал! Вините себя, неосторожный, Ваше первое приветное слово повернуло меня к Вам.

На моей гражданской панихиде (вечер в день 80-летия) представитель Обкома, милая морда у него (надо сказать: личико, но оно широко улыбается. Назвать «личность», но таковых в Обком не пускают). Спина: на ней у хорошей морды «рожь молотить». После его слов я дал ему п о ш е е! И зал, и детина, получивший по шее, были довольны.

Два раза начинал писать Вам. Раздумывал: послать ли? Пошлю! На днях. Моему прапраправнуку.

Ст. Писахов

27.XI.1959 г. Архангельск

№ 10

Дорогой Александр Александрович!

Знаю: нельзя много писать хотя бы к человеку, к которому «сердце лежит» — «душа повернулась».

Мое счастье, что не стал вспоминать о поморах. Турки, арабы, болгары... Чуть не начал вспоминать поездку в Карское море на «Фоке» в 1906 году. Науч<но->пром<ы>с<ловая> эксп<едиция> Книповича. Я...

Простите. Ремонт дома закончен. Снова перетряска. Снова не знаю, где что? И адрес пишу: «Дедушке в деревню».

Пишут читатели.

Нашелся родственник, коего я не знал и не слышал о его существовании. Племянник моего зятя. Проф<ессор> Ленин<градско>го ун<иверсите>та. Послал родственнику книжку.

Огорчил, оттолкнул, Ал<ександр> Ал<ександрович>. Это огорчительно до боли! Я представил Вас себе и полюбил. Милый образ гаснет — это тяжело.

Если не очень протестуете, обнимаю Вас, Александр Александрович!

Ст. Писахов.

26.XII.1959 г. Архангельск